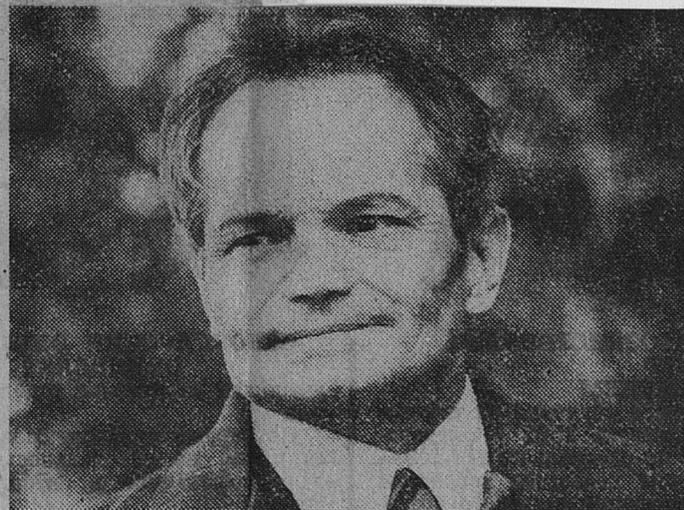

Советская Чувашия

НАШ КАЛЕНДАРЬ

И БЫЛО УТРО

ЧАСОВ в одиннадцать возле дома по улице Урукова остановилась машина, и из нее показались два курчавых арапчонка со знаменами несуществующих государств. Спустя еще некоторое время из одного подъезда в сопровождении свиты к ним поспешил щупленький, низенького роста мужчина в темном плаще. Человека вежливо втолкнули в машину. Тот, кто оказался свидетелем этой сцены, был захвачен стихией веселого любопытства. Такое случается или в детективах или на юбилеях комедийных актеров. Здесь, как оказалось, была юбилей. Причем из-за начинающихся летних гастролей его отмечали на неделю раньше.

В репетиционном зале Чувашского драмтеатра в то утро собралась вся актерская труппа. Чествовали народного артиста Чувашской АССР Петра Ивановича Иванова. Едва он в охранении арапов переступил порог театра — грянул оркестр. Артиста подхватили, легко подняли на руки и торжественно внесли на третий этаж, где его ждали объятия коллег и почти королевский трон. Официальная часть «утренника», боюсь, не поддастся описанию. Кстати, в таком же затруднительном положении тогда оказался главный режиссер Валерий Яковлев. Он сказал: «Поймите мое состояние. Мне предстоит сделать поздравление в характере юбиляра—чтобы на каждом пятом слове в зале раздавался смех...»

Петр Иванович пользуется уважением у коллег и необычайной популярностью у

зрителей. Маски некоторых героев, сыгранных в театре более чем за тридцать лет, настолько срослись с самим актером, что иногда ему попросту приходится туго. Входя в троллейбус, Петр Иванович может, например, услышать: «Аа-а, Кусяк!» Кусяка—Кузьму он долго и удачно играл в комедии «Выйди, выйди за Ивана» Н. Айзмана, чувствуя себя в этой роли, как рыба в воде. На ходу импровизировал, проявлял удивительную изобретательность в изображении своего героя — батрака, живущего в доме кулака-нэлмана. Играли Кусяка и другие актеры, но «ивановский вариант» остался неповторимым.

Интересны у Петра Ивановича (так и хочется чувашского произношения — Петер Иванча) и другие работы: дед Марки («Кужар» Осипова), Терешко («Трибунал» Макаенка), сэр Эндрю Эгьючик («Двенадцатая ночь» Шекспира), Митрохин («Игла и штык» Галиева), дед Гордей («Деньги для Марии» Распутина), Сандро («Соседи» Хугаева), Мурзин («Крик птицы на заре» Кузьмина)—всего он сыграл 150 ролей. Одни были эпизодическими, второстепенными, другие главными. Но всегда в них привлекала и привлекает большая жизненная правда. Всегда зрителю кажется, что вот этого героя сн встречал там, а этого тоже уже где-то встречал и даже разговаривал

с ним. Петр Иванович на сцене естествен — в манерах поведения, в поступках, в жестах. Стихия спектакля захватывает его, фантазия его неистощима: так, простую сцену одевания он может варьировать, кажется, до бесконечности.

Вспомните ивановских старичков-чувашей, очень разных и в то же время похожих, петушистых, балагурных, мудрых. С ними актер всегда бывает где-то «на грани» (но только не за гранью), потому что у него есть чувство художественного вкуса и такта. Он хочет, чтобы зрительный зал смеялся не над тем, как один герой спектакля тушит на лысине другого папироску. Ему важно донести суть создаваемого образа, а для этого нужны зрительские минуты молчания, задумчивости и сопереживания. И он терпеливо и талантливо подготавливает эти минуты. Возможно, ему по душе утверждение чудаковатых габровцев о том, что «мир уцелел потому, что смеялся».

Иванов — актер трезвой самооценки, хорошо представляющий свои возможности. А кто знает, может и этот фактор необходим, чтобы актерская судьба сложилась счастливо. Ясно одно, в театре играют не только Гамлета, Отелло и короля Лира...

Наверное, некоторым покажется странным, что в жизни

Петр Иванович иной, чем на сцене—серьезный, степенный, а бывает, что и малоразговорчивый. Рассказывают, что народный артист СССР, руководитель чувашской студии при ГИТИСе Михаил Михайлович Тарханов, услышав как-то обращение однокурсников к Петру Ивановичу по имени и отчеству, спросил: «Разве я его так зову?» Выяснилось, что сами того не замечая, и студийцы и их любимый руководитель по отношению к Иванову уже давно выбрали только такую форму обращения. Напомню, что Петр Иванович Иванов из первого довоенного приема чувашской театральной студии в Москве, ученик великого актера МХАТа М. М. Тарханова (в сегодняшней труппе Чувашского театра шесть «тархановцев»).

Великая Отечественная война на два года прервала его занятия в институте. Это были трудные годы. На фронте он был разведчиком. Получил медаль «За отвагу». Вступил в

партию. Долго лежал в госпитале с тяжелым ранением. Никто из фронтовых друзей не знал, что разведчик Иванов до войны имел две профессии—актер и парикмахер-гример.

В 1947 году с институтским дипломом возмужавший Петр Иванович вернулся в Чувашский театр, чтобы работать, чтобы каждым спектаклем подтверждать звание советского актера. И трудился хорошо. К первой боевой медали прибавилось семь, еще прибавился орден Трудового Красного Знамени, а главной наградой была преданная любовь зрителей. И вот однажды наступило утро, и Петр Иванович проснулся шестидесятилетним. Даже мысленно он не стал бы отвечать на вопрос, который обычно задают юбиляру: «А если бы можно было начать жизнь сначала?»

З. ГРИГОРЬЕВА

Фотс Б. Иванова.